

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

М.Б. Медникова

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: medma_pa@mail.ru

РИТУАЛЬНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ У ДРЕВНИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ТРЕПАНАЦИИ

Введение

Создатель научной школы психоанализа К.Г. Юнг считал, что высшей целью человеческого существования является процесс, названный им “индивидуацией” (*l'individuation*), реализуемый через ряд испытаний типа посвящения [Юнг, 1998]. По М. Элиадэ [2002, с. 331], феномен “посвящения” постоянно существует с подлинной жизнью человека. Человеческая жизнь полна глубинных кризисов, тревоги, потери и обретения самого себя, “смерти и воскресения”. В моменты общего кризиса человечество прибегает к способам обновления, могущего изменить жизнь. “Обновлением” заканчивается всякое подлинно религиозное обращение.

Хотя эгоизм способствует выживанию индивида, специфика эволюции человечества такова, что естественный отбор был в большой степени направлен на развитие самоотверженности, альтруизма, колLECTИVизма и жертвенности [Эфроимсон, 1998]. Род, не обладавший инстинктами коллективной защиты потомства и всей группы, был обречен на вымирание. Психологической защитой социума служила обрядность.

Жизнь человека традиционного общества строго делилась на разные социально-ролевые отрезки. Переход из одной возрастной и социальной группы в другую отождествлялся со смертью и возрождением в новом качестве (подростковая инициация, брак). Момент перехода был сопряжен с испытанием, иногда болезненным и опасным.

Обычно под инициацией понимают совокупность обрядов, преследующих цель радикально изменить

религиозный и социальный статус посвящаемого. В философских терминах посвящение равносильно онтологическому изменению экзистенциального состояния. К концу испытаний неофит обретает совершенно другое существование, чем до посвящения: он становится другим [Элиаде, 2002]. По М. Элиаде, символическая смерть в посвящении необходима как начало новой жизни, она готовит переход к более высокой форме бытия. По мысли носителя традиционной культуры, человека создают, в одиночку он “сделать себя” не может, его “делают” старики, шаманы, духовные наставники, являющиеся представителями сверхъестественных существ.

В последние годы получает развитие новый взгляд на палеантропологический материал, представляющий археологическими раскопками, и расширяются его информационные возможности [Медникова, 2001]. В этом смысле тело человека может быть рассмотрено как “улика” его социальной активности. Осознание человеком традиционного общества своего тела как ключевого элемента мироздания и сопряженные аспекты манипуляторной деятельности могут быть изучены методами палеантропологии, регистрирующими непосредственные следы социальной деятельности человека по изменению его внешнего облика, трансформации или деструкции тела. Это открывает новые возможности для воссоздания некоторых аспектов духовной жизни носителей археологических культур.

В.Я. Пропп, обращаясь к семантике обрядов инициации, отмечал, что после ритуальной смерти происходит вступление из области смерти в область жизни в новом качестве. Цитируя Ферле, он писал: “Во

время весеннего праздника луперкалий над двумя римскими юношами свершалось символическое убийство и воскрешение. Ножом, опущенным в жертвенную кровь, прикасались к их лбу, затем кровь стиралась шерстью, и юноши, которые таким образом символически были возвращены к жизни, должны были смеяться... Маннгард описывает обряд несколько подробнее. Мальчикам на лоб наносилась рана, и что особенно важно, во время обряда убивали двух козлов” [Пропп, 1999, с. 234]. Согласно Проппу, смех юношей после ритуального ранения (смерти) также носил обрядовый характер и символизировал вступление в жизнь, поскольку анализ различных мифологических систем показывает: пребывая в области смерти во время обряда, смеяться нельзя.

Изучая исторические корни волшебной сказки, В.Я. Пропп [2000, с. 258 – 260] обратил внимание на мотив “клеймения героя”, происходившего незадолго до бракосочетания. Например, герой на Сивке-Бурке долетел до окна царевны, “поцеловал ее, а она ему прямо в лоб клеймо и приложила”. Или: “Она сделала ему во лбу печать своим золотым перстнем, приняла его во дворец к себе и вышла за него замуж”. В интерпретации Проппа, извлечение крови и оставление рубцов есть знак приема в родовой союз, присутствующий и в обряде инициации. При браке жена вступает в род своего мужа или наоборот. Последний, матриархальный вариант, по Проппу, чаще сохраняется в фольклоре. Вслед за Веселовским, В.Я. Пропп [Там же, с. 361] ссылается на этнографические наблюдения Гартленда: у некоторых аборигенов Бенгалии жених отмечает жену красным карандашом. У биргоров жених и невеста пускают из мизинцев кровь, смешивают ее и мажут друг друга. В Новой Гвинее после установления продажной стоимости невесты, будущие муж и жена делают на лбу надрезы до крови. Остальные члены обеих семей делают то же самое, и это скрепляет их союз.

Палеоантропологические источники о ритуалах посвящения

Символическими трепанациями принято называть поверхностные (неквоздные) манипуляции на своде черепа, последствия которых часто наблюдаются на черепах раннесредневекового населения европейских степных пространств [Медникова, 2001]. Этот термин был предложен в 50-х гг. XX в. венгерским ученым Л. Бартушем для описания специфических поверхностных повреждений, зафиксированных на многих черепах X в., т.е. периода завоевания Паннонии кочевниками, пришедшими с востока.

Однако к символическим трепанациям могут быть отнесены и другие, более древние попытки носителей различных археологических культур слегка на-

рушить целостность свода черепа, травмировать костную поверхность в строго определенном месте, создать некий геометрический узор на внешней стороне мозговой капсулы. Терапевтическая мотивация подобных действий не исключена, хотя и достаточно сомнительна. Половозрастные определения символически трепанированных черепов и археологический контекст могут отчасти прояснить намерения тех, кто производил операцию. Стремление к изменению своей внешности, свойственное человечеству в таких проявлениях, как, например, искусственная деформация головы (вероятно, чтобы подчеркнуть избранность “своих” и их отличия от “чужих” или обособленность элитарного слоя), может лежать и в основе символического трепанирования. Можно говорить и о важной ритуальной составляющей поверхностного “трепанирования” как испытания и символа перехода из одной социальной категории в другую (инициация подростков, замужество и рождение детей у женщин, траур, принадлежность мужскому союзу и т.д.).

Надрез в форме буквы Т или L в верхней части свода черепа встречается у неолитического населения Европы. Операция не только затрагивала кожные покровы, но и распространялась в периостальный слой верхней компакты. Одна линия следовала вдоль стреловидного шва в переднезаднем направлении, другая была ориентирована строго под прямым углом к ней. Как сообщает Ф. Лисовски [Lisowski, 1967, р. 669], большинство случаев подобной операции зафиксировано на женских черепах. С. Пигготт [Piggott, 1940] усмотрел определенную семантическую связь между неолитической традицией и выбиванием тонзур. Примеры Т-образных надрезов немногочисленны по сравнению с “истинными” трепанациями. Большинство находок сконцентрировано к северу от Парижа в департаментах Сены и Уазы. По мнению Г. Обермайера [1913], Т-образный знак может быть отнесен “к области неолитической народной медицины”, а также символизировать социальный статус, принадлежность к общине или служить украшением. Ф. Грон [Gron, 1908] полагал, что геометрические фигуры на теменных костях могли быть знаком траура, наказания или украшением. По моему мнению, феномен T-sincipitale несомненно относится к тому же ряду, что и символические трепанации раннего средневековья, и скальпирование [Медникова, 2001].

О нахождении символически трепанированных черепов сообщали австрийские исследователи. К сожалению, эти сообщения носили самый общий характер, и подробности об индивидуумах, подвергнутых манипуляциям, даже об их культурной принадлежности остались нам неизвестны [Hahnel, 1991а, б; Hahnel et al., 1991]. Для неолита характерна локализация поверхностных рубцов в середине лобной кости, для ранней бронзы – на правой теменной кости, для эпо-

хи захоронения в погребальных урнах – на левой, для латенского времени – и на правой, и на левой теменных, а иногда и на затылочной костях. На черепах эпохи Великого переселения народов символические трепанации зафиксированы в центре лобной кости и в области брегмы.

В середине I тыс. до н.э. символическое трепанирование у населения Северной Африки подробно описывает Геродот. “Эти-то ливийские кочевники – все ли они (я не могу утверждать достоверно), но во всяком случае многие – поступают с детьми вот как: четырехлетним детям они прижигают грязной овечьей шерстью жилы на темени (а некоторые – даже на висках). [Это делается для того,] чтобы флегма, стекающая из головы в тело, не причиняла им вреда во всей дальнейшей жизни. Поэтому-то они, по их словам, исключительно здоровы. И действительно, насколько мне известно, ливийцы отличаются наилучшим здоровьем среди всех людей” [Геродот, 2001, с. 297].

Традиция нанесения рубцов на поверхность свода в египетской Нубии зафиксирована антропологическими исследованиями [Strouhal, Jungwirth, 1981]. В суммарной серии позднеримского и ранневизантийского времени из Саяла (451 экз.) эта особенность наблюдается у 12,2% черепов. Чаще символические трепанации встречаются у мужчин, а не у женщин, значительно реже – у детей и подростков. Примерно в половине случаев символические воздействия затрагивали область лба, преимущественно слева, реже височные и теменные кости, совсем редко – затылочную.

По-видимому, бытование в Северной Африке традиции каутеризации, красочно описанной Геродотом, вообще имеет глубочайшую древность – около 12 тыс. лет. Поверхностные повреждения на черепах из Тифоральта и Афалу-Бу-Румель также можно отнести к разряду символической трепанации [Медникова, 2001].

Уникальные находки были обнаружены не так давно на Балканах. В 1984 – 1990 гг. археолог А. Дурман исследовал вблизи Вуковара несколько погребений энеолитического времени (3000 – 2800 лет до н.э.)*. В самом древнем культурном слое памятника Вучедол (Vucedol) были вскрыты костяки людей, подвергшихся, по мнению ученых, своеобразной инициации. Некоторые прожили после перенесенной процедуры около 20 лет (А. Дурман, устное сообщение). Так, в яме № 6, позднее получившей название мог. 3, находились костные остатки восьми человек, почти полностью перекрытые слоем угля [Durmam, 2000]. Создается впечатление, что первоначально предпринималась попытка трупосожжения, но огонь

потух вследствие недостаточного поступления кислорода в глубокую яму. Хотя кости были покрыты сажей, они, как показал анализ, не подверглись воздействию огня. Согласно заключению дендрохронологической лаборатории Корнеллского университета (США), уголь образовался при сжигании древесины различных пород: клена, березы, в меньшей степени дуба и крушины. В этом слое найдены семь целых костяков и частично представлены посткраниальные остатки еще одного индивидуума, череп которого находился в лесовых отложениях, “запечатавших” свод коллективного захоронения. В основании могилы и в верхней части слоя, содержавшей уголь, обнаружены фрагменты большого орнаментированного блюда. Покойных сопровождал и другой погребальный инвентарь: несколько целых сосудов, характерных для ранней вучедольской культуры, и кости животных.

Австрийский антрополог М. Тешлер-Никола [Teschler-Nicola, Berner, 1994] установила, что почти на всех черепах из мог. 3 в верхней части лобной кости и в месте соединения теменных костей (анатомическая область брегмы) присутствует необычная ямка диаметром около 10 мм (рис. 1). Сообщались следующие данные о поле, возрасте погребенных и некоторые сведения о локализации шрамов:

1. Женщина, 20 – 25 лет, два шрама.
2. Женщина, 20 – 25 лет, один шрам (на лобной кости справа).
3. Женщина, 25 – 30 лет, два шрама.
4. Мужчина, 40 – 45 лет, один шрам (на лобной кости слева).
5. Женщина, 45 – 55 лет, два шрама.
6. Женщина, 35 – 40 лет, шрамы не обнаружены.
7. Ребенок (девочка), 9 лет, повреждений нет.
8. Женщина, 20 – 22 года, два шрама.

Экспериментальным путем удалось установить, что повреждения костной поверхности возникали под воздействием капель расплавленной меди. Чтобы не причинить здоровью серьезного вреда, капля раскаленного металла должна была соприкасаться с телом не более 20 с. Этого времени достаточно для создания постоянного углубления во внешнем слое мозговой капсулы. Все отмеченные таким способом индивидуумы, пройдя через подобное, очевидно болезненное, испытание, долгое время оставались в живых. Ямки на черепе 20 – 22-летней женщины (№ 8) имеют заметно более острые края, чем давно зажившие знаки на черепах относительно пожилых мужчины и женщины (№ 4 и 5). Следовательно, процедура осуществлялась в молодом возрасте, между девятью и двадцатью годами. Замечу в скобках, что в Вучедоле достаточно отчетливо проявляется солярная семантика ритуала инициации. Расплавленный металл мог олицетворять частицу солнца. Следует особо отметить, что “солнечным символом” здесь помечали лоб. Связь

* В отличие от хорватских ученых, российские исследователи относят эту категорию памятников к эпохе бронзы (Т.Н. Мишина, устное сообщение) [Черных и др., 2000].

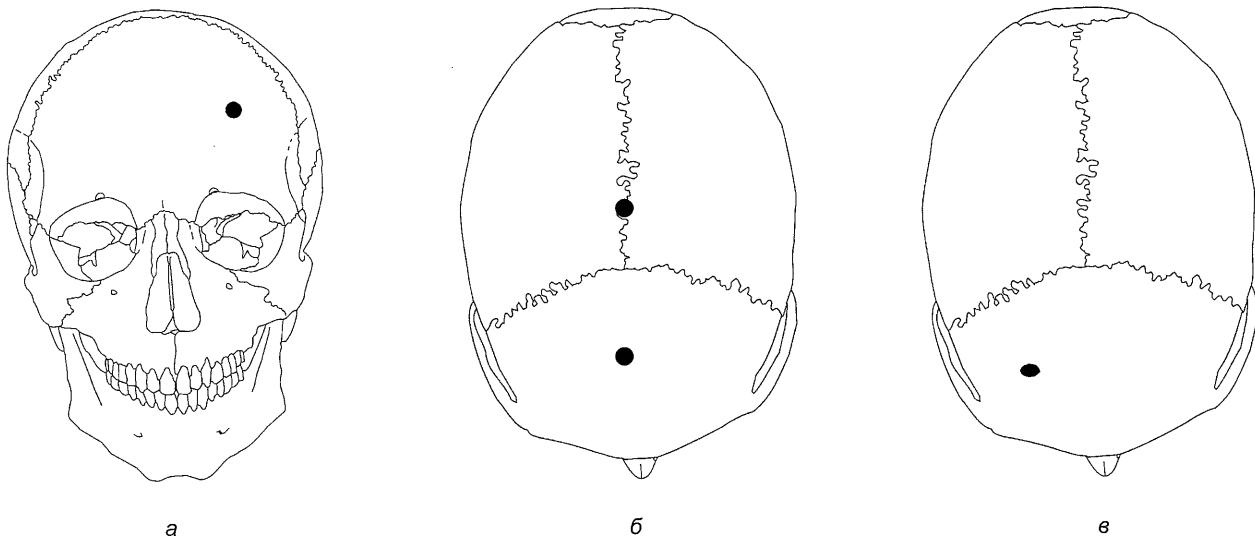

Рис. 1. Локализация знаков посвящения на черепах носителей вучедольской культуры. Балканы.
а – “мужская”, б – “тиปично женская”, в – “нетипично женская”.

области лба с солярными знаками прослеживается во многих культурах, в частности, в таштыкской – в орнаменте погребальных масок [Вадецкая, 1999].

Погребенный в Вучедоле мужчина занимал обширное пространство в центре могилы [Dürst, 2000]. Слева от него в скорченном положении спиной вверх была захоронена женщина (№ 3), которая, как упоминалось выше, в результате инициации имела два “солнечных знака” на лобной кости. Справа от мужского лежал скелет женщины № 2, погребенной также в скорченном положении, с коленями, прижатыми к груди, но лицом кверху – как отмечает А. Дурман, не совсем обычная позиция для вучедольского захоронения женщины. Остальные скелеты находились ниже этого, погребенные были захоронены также в скорченном положении, но повернутыми грудью и коленями ко дну могилы. Отделенный череп (№ 1), несущий два знака “инициации”, располагался в слое слева над стопами необычно положенной женщины № 2. Скелеты женщины № 6 и девочки, на черепах которых шрамы не обнаружены, занимают подчиненное положение по отношению к женским костякам с двумя отметинами на черепах. По мнению А. Дурмана, несмотря на очевидную одномоментность коллективного захоронения, в нем могут быть выделены две “субъединицы”: мужчина 40 – 45 лет со шрамом на лобной кости слева и женщина 20 – 25 лет с аналогичным знаком, но справа (№ 2); шесть женщин, четверо из них с двумя шрамами на лобной кости. Отметим, что для большинства вучедольских женщин характерно наличие двух отметин на лбу. Все они захоронены в рамках единой традиции. К этой же группе относятся и костные остатки женщины № 1, отделенная голова которой была погребена в лессо-

вых отложениях. По мнению А. Дурмана, “женская группа” из мог. 3 семантически подчинена захоронению мужчины и женщины (№ 2). Череп № 2 единственный среди прочих женских отмечен одной ямкой на лобной кости (см. рис. 1, в).

Наблюдается билатеральная асимметрия в локализации повреждений: у мужчины – слева, у женщины № 2 – справа*. Таким образом, можно предположить, что хотя символические ожоги наносились в момент инициации, т.е. в большинстве случаев задолго до смерти, они отражали социальный ранг членов энеолитической популяции Вучедола к моменту погребения. Захоронения осуществлялись в соответствии со статусом, индикатором которого служили “символические трепанации”.

Символические трепанации в энеолите – раннем бронзовом веке на Балканах и, главное, их достаточно отчетливое ритуальное значение заставляют с вниманием отнестись к необычным повреждениям, иногда встречающимся в разрозненных палеоантропологических материалах и по традиции относимым к разряду “травмы черепа”.

Как отмечалось выше, бытование символических и сквозных трепанаций в эпоху эпипалеолита среди обитателей Северной Африки открыто достаточно давно и не подвергается сомнению исследователями. Однако антропологический источник дает основания предполагать распространение сложных обрядов посвящения и среди европейцев верхнего палеолита. Как

* Возможно, в данном случае мы имеем дело с гендерной символикой, однако на большинстве женских черепов из Вучедола по два шрама, что заставляет с осторожностью строить предположения на этот счет.

ни странно, эти факты не получили пока должного освещения ни в археологических публикациях, ни в работах антропологов, изучающих данный период.

В эпоху последнего оледенения Центральная Европа представляла собой узкий степной пояс, служивший коридором для сообщения между свободными от ледника западными и восточными регионами. В эпоху среднего верхнего палеолита (в предшествующей терминологии раннего верхнего палеолита, 30 – 20 тыс. л.н.) в Восточной Европе сформировался культурный центр, важность которого во многом была обусловлена его географическим положением.

В Моравии образовался естественный коридор, отделенный от Карпат Богемским массивом. В пределах этого пространства могли осуществляться миграции людей и фауны из долины Дуная в юго-западном направлении и на северо-восток, вплоть до Северо-Европейской равнины. Равнинные пространства были соединены цепочкой узких проходов: Моравскими вратами на северо-западе, вратами Вышков и Напайедла в центральной части. А изолированная цепь Павловских холмов ограничивала эту территорию с юга.

Картирование поселений эпохи граветта данной культурной области пока не является исчерпывающим, как в количественном, так и в качественном отношении. В Моравии были открыты и мегастоянки, давшие научному миру тысячи археологических артефактов, и небольшие памятники, где находки связаны с поверхностными слоями. Иерархия этих памятников пока не установлена.

Тем не менее, по мнению исследователей моравских древностей [Svoboda et al., 2000], особенности граветтских поселений демонстрируют радикальные отличия от памятников других верхнепалеолитических культур. Местные жители предпочитали селиться в больших долинах моравских рек (Дие, Морава, Бечва и Одра). Раскопки верхнепалеолитических стоянок Долни Вестонице в Южной Моравии ввели в научный оборот археологический и антропологический материал, уникальный как по представительности, так и с точки зрения сохранности. В культурно-хронологическом плане находки относятся к т.н. павловскому варианту восточного граветта. Кроманьонцы Долни Вестонице населяли эту территорию во временном диапазоне от $26\ 640 \pm 110$ до $27\ 660 \pm 80$ л.н.

История изучения “павловских” представителей раннего верхнего палеолита разделяется на три этапа. Первый, довоенный, связан с раскопками К. Абсолона, начавшимися в 1924 г. В 1925, 1927 и 1930 гг. были найдены две черепные крышки, остатки сожженного детского скелета, разрозненные фрагменты человеческих костей и зубы. Следующий этап в исследовании популяций Долни Вестонице относит-

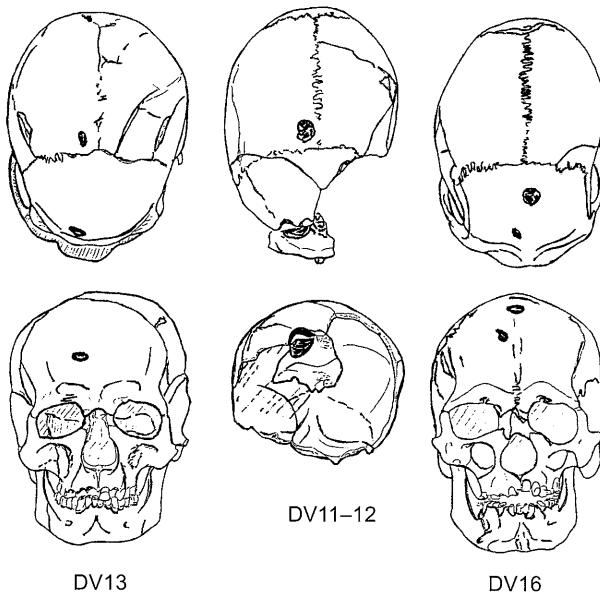

Рис. 2. Предполагаемые символические трепанации на мужских черепах из Долни Вестонице II (по: [Vlček, 1995]).

ся к периоду после второй мировой войны, когда Б. Клима открыл женское захоронение в 1949 г. В 1957 г. близ населенного пункта Павлов он обнаружил погребение мужчины. Третий этап начался в 1986 г. благодаря новостроенным работам на берегу р. Дие. В том же году были найдены свод черепа взрослого мужчины, еще один крациональный фрагмент, принадлежавший этому же индивидууму, и коллективное захоронение трех человек (т.н. триплекс). В 1987 г. Й. Свобода открыл в Долни Вестонице могилу еще одного мужчины. Вместе с разрозненными человеческими костями и зубами из культурного слоя поселения остеологическая серия из Долни Вестонице представляет останки 31 человека (25 взрослых и 6 детей).

Антрополог Е. Влчек [Vlček, 1995] – первый (и пока, по-видимому, единственный) исследователь, обративший внимание на поверхностные повреждения на нескольких мужских черепах (рис. 2).

На черепе DV11-12 травма овально-округлой формы располагается на лобной кости справа от медианной линии, в 20 мм над верхним краем правой глазницы. Высота повреждения 27 мм, ширина 19 мм, глубина от костной поверхности 5 мм. Отмечены признаки регенерации костной ткани. Другое поверхностное повреждение 18 × 10 мм, лишь слегка нарушившее целостность наружного компактного слоя, зафиксировано в области вертекса.

На черепе DV13 небольшой овальный шрам (16 × 21 × 1 мм) на лобной кости справа от метопиона и другой почти таких же размеров на правой теменной кости справа от бregмы. Оба повреждения хорошо зажили.

На черепе DV16 на лобной кости справа от метопиона расположен рубец размерами $15 \times 5 \times 2$ мм, а справа от медианной линии в 21 мм перед бregмой – повреждение округлой формы ($19 \times 18 \times 4$ мм). Обе травмы, затрагивавшие только *lamina externa*, демонстрируют заживление.

Е. Влчек предположил, что указанные повреждения на верхнепалеолитических черепах связаны с определенными традициями этого социума, возможно, специфические травмы были получены мальчиками, вступавшими в противоборство при прохождении инициационных испытаний.

Однако геометрически точное расположение шрамов чуть справа от центра лобной кости и в верхней части свода на нескольких черепах, на мой взгляд, говорит не о насильственном характере травм, а о преднамеренном нанесении рубцов на строго определенные участки. Скорее всего, подобная локализация отражает принятые у населения Долни Вестонице обряды посвящения, и знаки на черепе являются символами прохождения ритуалов. Н.В. Полосымаак, характеризуя обычай наносить татуировку, распространенный среди скифов Укока, подчеркивает, что повторяемость элементов рисунка может быть истолкована как свидетельство консерватизма традиции, связанного с нанесением на тело человека не просто орнамента или рисунка, а знаковой системы, “текста” [2001, с. 232]. Так, «на тела пазырыкцев было нанесено сакральное письмо, предназначеннное для передачи важной информации, скорее всего, магического характера. Таким образом происходило “переоформление” натурального человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости» [Там же].

Предлагаю интерпретировать повреждения на черепах из Долни Вестонице II как наиболее древние случаи символической трепанации. Распространение сложных обрядов инициации в эпоху верхнего палеолита является закономерным следствием полностью сформировавшихся в ту эпоху идеологических представлений. Погребальные обряды, развитие изобразительного искусства отражают богатство духовного мира верхнепалеолитического человека. Практика манипуляций со своим телом была распространена в палеопопуляции Долни Вестонице и носила неутилитарный характер. По-видимому, в группе доминировали представления, связанные с культом человеческого черепа. Е. Влчек отмечал следы искусственной обработки краиального свода DV11, который, по его предположению, использовался в религиозных церемониях. Возможно, похожим образом был обработан череп DV1. Найденный на поселении просверленный человеческий зуб DV7 свидетельствует о ношении специфических амулетов [Vlček, 1995]. К сожалению, эта подвеска из раскопок К. Абсолона 1927 г. считается утраченной [Sládek et al., 2000]. Антропо-

логические критерии позволяют точно определить, в каком возрасте проводились символические трепанации в популяции кроманьонцев Южной Моравии. В тройном погребении Долни Вестонице II специфические повреждения обнаружены на черепе юноши (DV13), скончавшегося в 17 – 19 лет, и не наблюдаются у погребенного (DV14), умершего в 16 – 17 лет (половозрастные определения приводятся по каталогу [Ibid]). Очевидно, если символические трепанации сопряжены с возрастными испытаниями, ритуалы совершались примерно в 17 – 18 лет. Хотя пол индивидуума DV15 в последней обобщающей публикации остается дискуссионным [Ibid], чаще всего он определяется как женский. Эта женщина (?), умершая в 20-летнем возрасте, не проходила испытаний, подобно индивидууму DV13. Напротив, мужчина (DV16), скончавшийся в 45 – 55 лет, задолго до смерти прошел процедуру символического трепанирования. Погребен он был на правом боку со связанными ногами. Череп и скелет в области таза покрывал слой охры [Ibid].

Символическое трепанирование сохраняет свое значение и в новом каменном веке. Два черепа из неолитических слоев пещеры Арма-дель-Авила в Италии (Савона, культура керамики с квадратным устьем) также имели необычные травматические повреждения [Canci, 1998]. На черепе мужчины зрелого возраста в центре лобной кости наблюдалось небольшое понижение поверхности округлой формы, обрамленное областью гиперостозной костной реакции. Другое поверхностное повреждение, на черепе пожилой женщины, располагалось в верхней, наиболее выступающей кзади части затылочной кости. Оно интерпретируется как следствие абразивной несквозной трепанации с признаками заживления. Это самый ранний пример оперативного вмешательства в Лигурии.

Множественные следы символических и сквозных трепанаций обнаружены итальянскими исследователями на энеолитическом мужском черепе из Казамаре-Валле (культура Ринальдоне) и единичный – на мужском кальвариуме из Пианацце. К халколитической культуре Абеацу-Филигоза относится череп юноши из Фромоза-Виллановатуло, на котором поверхностное повреждение овальной формы расположено на стреловидном шве за бregмой. Эпохой бронзы датируется череп № 6494 из тосканского грота Скоглиетто. В центре лобной кости 16-летнего юноши (№ 4) наблюдаются глубокие зажившие рубцы, идущие вертикально. По мнению палеопатологов, использовавших сравнительный этнографический материал, это следствие прохождения обрядов инициации. В свою очередь отмечу, что аналогичным испытаниям, к примеру, подвергались (“с целью укрепления здоровья”) мальчики в возрасте от двух до пяти лет, принадле-

жавшие к аборигенной популяции Новой Британии (архипелаг Бисмарка) [Народы мира..., 1916] (рис. 3).

Сходные повреждения обнаружены на черепе (№ 6511) тосканского мужчины (№ 10), скончавшегося в 25 – 30 лет. К эпохе средней бронзы относится мужская черепная крышка из коллективного захоронения в Сеуло (Нуоро), на которой три сквозные перфорации с замыкающей пластинкой по краям расположены по одной центральной линии: на лобной кости, в центре и обелионной части правой теменной. Эти повреждения интерпретируются как ритуальные [Germana, Fornaciari, 1992].

Неолитический мужской череп из Мраморной пещеры в испанской провинции Кордова демонстрирует ромбовидное понижение поверхности лобной кости слева (размеры 24 × 8 мм). Традиционная интерпретация связывала это зажившее повреждение с травмой [Garcia Sanchez et al., 1994]. Однако с учетом того, что при жизни мужчина подвергался пенетрирующему трепанированию, а после смерти его череп был скальпирован и очищен от мягких тканей острым инструментом, представляется вероятным ритуальное происхождение шрама на поверхности лобной кости.

В.Я. Дэрумс [1970, с. 42] описал деструктивные изменения на черепе зрелого мужчины, найденном в слоях памятника Кирсна в Литве (автор ошибочно отнес эту находку к мезолиту, однако, согласно последним публикациям прибалтийских исследователей, она принадлежит эпохе ранней бронзы). В лобной области видны пять дефектов. Самый глубокий достигает внутренней черепной пластинки, имеет округлую форму, диаметр 0,6 – 0,7 см, края закруглены, но явных признаков процесса заживления нет. Остальные – полукруглой формы, менее глубокие. Как отметил В.Я. Дэрумс, установить происхождение дефектов не представляется возможным, но они предположительно травматического происхождения.

Можно допустить, что с символическими трепанациями связаны и “этиологически неясные” локальные повреждения, фиксируемые на нескольких черепах из Эль Аргар – памятника испанской культуры II тыс. до н.э. [Kunter, 1990, S. 87].

На левой теменной кости (в 20 мм от венечного шва и 4 мм от стреловидного) старого мужчины, носителя культуры шнуровой керамики, из Кнежевец (Чехия) Я. Хохоль [Chochol, 1957] обнаружил дефект овальной формы 40 × 28 мм – результат трехступенчатой операции, осуществленной, по-видимому, острым предметом типа каменного ножа. Судя по контурам углубления, на первом этапе оперируемый сидел, наклонив голову вперед, на втором – человек, производивший операцию, находился слева от него, на третьем – спереди. Визуально и рентгенографически установлено, что символическое трепанирование

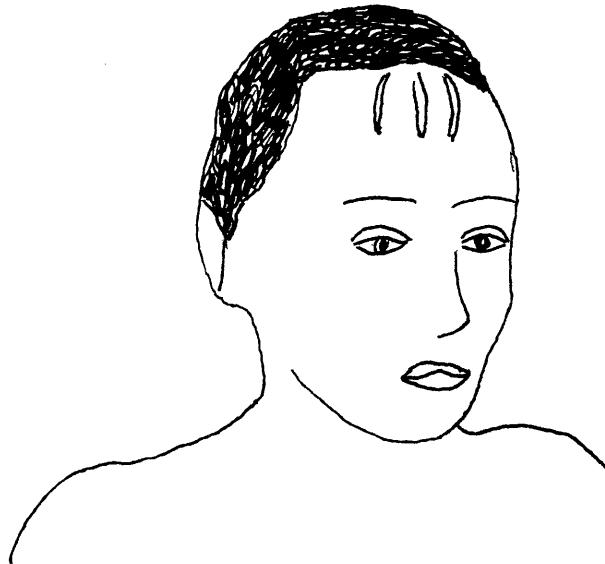

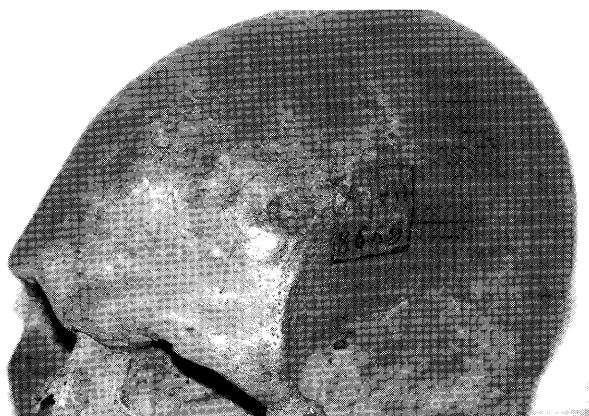
Рис. 3. Меланезийский мальчик с глубокими рубцами на лбу.

производилось не позже, чем за 5 – 10 лет до смерти индивидуума, возможно даже в молодости.

Е.Ф. Батиева [2001] идентифицировала дефект костной пластиинки в обелионной части стреловидного шва на черепе из энеолитического или раннебронзового коллективного захоронения на могильнике Вертолетное Поле. Этот случай увязывается с предположительно ритуальными сквозными трепанациями, зафиксированными у других погребенных в могиле, и может быть интерпретирован как символическая трепанация.

Г.В. Рыкушина описала два поверхностных дефекта на предположительно женском черепе № 4 из раскопок неолитического поселения Ботай в Урало-Иртышском междуречье [Рыкушина, Зайберт, 1984, с. 133]. Перфорации располагались по ходу стреловидного шва. “Они несомненно сделаны при жизни, так как в области переднего отверстия с внутренней стороны черепа отчетливо видны грануляционные ямки... сама кость даже снаружи деформирована и образует возвышение в этой области” [Там же]. По мнению Г.В. Рыкушиной, операция могла быть произведена в 14 – 16 лет и связана с инициацией.

Е.Г. Шпакова [1996] обнаружила точечные деформации мужского черепа из афанасьевского могильника Саргов Улус в Минусинской котловине и женского из неолитического погребения на Алтае. Сообщается о симметричном расположении точечных дефектов относительно сагиттального и венечного швов. Предположительно эти изменения были оставлены предметами мостообразной формы, укрепленными на голове плотными повязками, стянутыми под

Rис. 4. Локализация поверхностных повреждений на черепе мужчины – носителя афанасьевской культуры. Могильник Курота II (Алтай).

подбородком. Точечная деформация вполне соответствует по своим проявлениям и последствиям символической, т.е. не доведенной до сквозной перфорации, трепанации.

На лобной кости молодого мужчины из могильника алтайских афанасьевцев Курота II (№ 8559, НИИ и Музей антропологии МГУ) я обнаружила два травматических повреждения, локализованных слева на одном горизонтальном уровне приблизительно на границе роста волос (рис. 4). Одно, более медиальное, имеет округлую форму, размеры $11 \times 9,5$ мм; другое побольше (15×13 мм), неправильной подокруглой формы, с неровной бугристой поверхностью внутри контура, сопровождается линейными надрезами (?) в верхней и нижней частях. Репаративные процессы костной ткани после травматизации затрудняют детализацию причин поверхностного повреждения, но все же создается впечатление, что оба дефекта образовались не в результате перелома или давления, а могли быть следствием операции, произведенной острым предметом.

Древность ритуалов посвящения

Локальные “геометрически выверенные” повреждения на поверхности свода черепа могут свидетельствовать о бытовании обрядов посвящения у древних народов Евразии. Архаичность этой традиции подтверждается наличием таких специфических повреждений на верхнепалеолитических мужских черепах из Моравии. Возрастные особенности отмеченных подобным образом индивидуумов в Долни Вестонице (DV11, 13, 16) позволяют установить сроки прохождения испытания – около 18 лет. Таким образом, древнейшая форма символического трепанизирования может быть отражением возрастной инициации или зна-

ком принадлежности к мужскому союзу воинов и охотников. Ранее ритуальная сторона жизни моравских кроманьонцев была реконструирована на основании следующих источников: технологии производства предметов материальной культуры и контекста находок, в т. ч. фрагментов керамики, распространения охры, а также захоронений. Свидетельства ритуальной деятельности обычно приурочены к центральным очагам на стоянках, что особенно характерно для больших поселений, длительно функционировавших и многократно заселявшихся. Это говорит о социальной функции предполагаемых ритуалов, произошедших в жилых комплексах или, шире, в местах обитания.

Исследования керамики засвидетельствовали обычай намеренного повреждения изделий. Примечательно, что такие находки концентрируются вокруг центральных очагов стоянок Долни Вестонице и Павлов [Svoboda et al., 2000]. Семантика обряда разрушения керамических фигурок может быть связана с процедурами причиненияувечий человеческому телу, нанесения шрамов и других разнообразных знаков, символизирующих вступление в родовой союз или переход из одной социально-возрастной категории в другую. По В.Я. Проппу, “разрубание создает нового человека” [2000, с. 76]. Разрушение керамических изделий верхнепалеолитическими охотниками указывает на определенную стадию общественного развития, на традиции изучаемого этнографами “общества традиционной культуры”, предполагающего во многих случаях сложную систему ритуальных манипуляций с человеческим телом. Эти гипотетические умозаключения находят логичное подтверждение в рубцах на своде черепов некоторых представителей популяции Долни Вестонице.

Моравская археология верхнего палеолита представляет чрезвычайно богатую фактическую основу исследователям погребальных ритуалов и разнообразных методов обращения с телами умерших. Примеры тщательно выполненных захоронений, подобных “триплексу” в Долни Вестонице, сочетаются здесь с приемами преднамеренного нарушения костяков, со свидетельствами посмертных манипуляций, таких как изготовление “чаш” из человеческих черепов [Svoboda et al., 2000]. В основе подобных действий моравских европейцев эпохи верхнего палеолита лежали символические представления. Носитель граветтской культуры позиционировал себя в пространстве и времени при помощи сложных поведенческих механизмов. Представления о жизни и смерти, принадлежности к своей группе, социальная память, эпос (миф) находили отражение в сложном ритуальном поведении, которое в эпоху верхнего палеолита имело также информационное и адаптивное значение [Svoboda et al., 2000].

По М. Оливе [Oliva, 2000а], павловские кроманьонцы использовали очень специфический метод эксплуатации отдельного компонента окружающей среды. Их стратегия выживания, в основе которой была охота на мамонта, опиралась на создание широкой системы управления непредсказуемыми источниками питания. В этих условиях возникновение ритуализированного поведения могло стать гарантией мирного раздела добычи, охотничих территорий, престижных предметов и т.п.

По-видимому, среди моравских кроманьонцев уже выделялась категория “специалистов в области сакрального”. Так, с точки зрения реконструкции социального статуса, особое внимание М. Оливы [Oliva, 2000а, б] привлекло давно открытое захоронение Брно II. В русле р. Свитава были найдены костные остатки взрослого мужчины (40 – 50 лет), страдавшего хроническим заболеванием, проявлявшимся в периостите костей верхних и нижних конечностей [Oliva, 2000б]. На черепе погребенного немецкий антрополог Х. Ульрих [Ullrich, 1982, fig. 3] идентифицировал следы посмертных манипуляций: параллельные надрезы, свидетельствующие об очищении краинума от мягких тканей. Он также обратил внимание на треугольное углубление в лобно-теменной области (расположение сходно с локализацией дефектов на мужских черепах из Долни Вестонице). Ранее считалось, что тело этого мужчины было захоронено неповрежденным, посыпано слоем красной охры и прикрыто лопаткой мамонта. Однако Х. Ульрих выдвинул аргументированное предположение, что в могиле изначально присутствовали только череп и отдельные посткрайиальные кости, т.е. были тщательно погребены “избранные” элементы скелета.

В могиле находился многочисленный погребальный инвентарь, имевший, по мнению М. Оливы, не практическое, а символическое значение: два перфорированных диска из мягкого камня; 14 пластинок, изготовленных из различных материалов (камня, кости, в т. ч. слоновой, мамонтовых зубов, расколотых перпендикулярно направлению ламеллярных структур); человеческая (мужская) фигурка из мамонтовой кости в форме марионетки с каналом по центральной оси, пронизывающим вертикально туловище и голову, со следами повреждения и реставрации; барабанная палочка (?) из рога северного оленя; несколько сотен раковин древних моллюсков (*Dentalium bodense*), скорее всего, украшавших головной убор; много крупных костей мамонта, носорога и т.д. (первая подробная публикация: [Jelinek et al., 1959]). У большинства пластинок тонкие края со следами надрезов. Эти предметы напоминают М. Оливе реквизит сибирского шамана, и, согласно предположению исследователя, погребение Брно II принадлежало индивидууму, имевшему исключительный статус в ритуальной сфере.

Возвращаясь к антропологическим свидетельствам обрядов посвящения, можно допустить генетическую связь традиции нанесения рубцов, зафиксированной в неолите на территории Испании, с такой в эпипалеолите Северной Африки.

В новом каменном веке распространение обрядов посвящения затрагивает и мужское, и женское население Евразии. Черепа со шрамами на поверхности свода найдены в горных районах Италии, Испании, во Франции. По-видимому, существовали гендерные различия в локализации рубцов на своде. Сходные тенденции сохраняются в энеолите и раннем бронзовом веке, когда, по данным антропологии, специфические обряды посвящения получают широкое распространение – от Балкан, Центральной и Восточной Европы до Южной Сибири.

Список литературы

Батиева Е.Ф. Новые материалы по антропологии Нижнего Подонья // Вестн. антропологии. – 2001. – Вып. 7. – С. 116 – 125.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Геродот. История / Пер. Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир, 2001. – 739 с.

Дэрумс В.Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. – Рига: Знание, 1970. – 135 с.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Научный мир, 2001. – 304 с.

Народы мира в нравах и обычаях. – Пг.: Изд-во Сойкина, 1916. – 624 с.

Обермайер Г. Доисторический человек. – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1913. – 687 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-Пресс, 2001. – 335 с.

Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) // Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха: Собр. тр. – М.: Лабиринт, 1999. – С. 220 – 256.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. С.Я. Зданович. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 1984. – С. 121 – 137.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М.: Ин-т археол. РАН, 2000. – 95 с.

Шпакова Е.Г. Точечная деформация и особенности ее проявления // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 257 – 259.

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002. – 352 с.

Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. – М.: Русский мир, 1998. – 543 с.

- Юнг К.** Бог и бессознательное. – М.: Олимп; АСТ Лтд., 1998. – 480 с.
- Canci A.** Lesioni del cranio in resti scheletrici umani di epoca neolitica rinvenuti presso l'Arma dell'Aquila (Finale Ligure, Savona) // *Bullettino Paletnologia Italiana*. N. s. VII. – 1998. – Vol. 89. – P. 81 – 92.
- Chochol J.** Zur Problematik der vor- und fruhgeschichtlichen Schadeltrepanationen // *Anthropologische Wertung einiger Funde aus Bohmen*. – 1957. – P. 3 – 34.
- Durman A.** The Vucedol Orion and the Oldest European Calendar. – Zagreb, 2000.
- Garcia Sanchez M., Jimenez Brobeil S., Ortega Vallet J.A.** Trephined skull from the “Cueva de los Marmoles” (Priego de Cordoba, Spain), displaying evidence of ritual defleshing // *Journal of Paleopathology*. – 1994. – Vol. 6(3). – P. 161 – 168.
- Germana F., Fornaciari G.** Trapanazioni, craniotomie e traumi cranici in Italia. – Pisa: Giardini editori et stampatori, 1992. – 191 p.
- Gron F.** Altnordische Heilkunde // *Janus*. – 1908. – N 13. – S. 73.
- Hahnel B.** Eine mittelneolithische Bestattung mit Trepanation aus Gaiselberg, NO // *Fundberichte aus Österreich*. – 1991a. – Bd. 29. – S. 7 – 8.
- Hahnel B.** Fruhbronzezeitliche Bestattungen mit Trepanationen aus Roschitz, Poysdorf und Stillfried, NO // *Fundberichte aus Österreich*. – 1991b. – Bd. 29. – S. 13 – 28.
- Hahnel B., Grossschmidt K., Winkler E.** Trepanation einst und jetzt // *Katalog des Niederösterreichischen Landesmuseums, neue Folge*. – Wien, 1991. – Bd. 276. – S. 329 – 335.
- Jelinek J., Pelisek J., Valoch K.** Der fossile Mensch Brno II // *Anthropos* (Brno). N.s. 1. – 1959. – S. 17 – 22.
- Kunter M.** Menschliche Skelettreste aus Siedlungen der El Argar-Kultur. – Mainz: Philipp von Zabern, 1990. – 136 S.
- Lisowski F.P.** Prehistoric and Early Historic Trepanation // Diseases in Antiquity / Eds. D.R. Brothwell, A.T. Sandison. – Thomas Illinois, 1967. – P. 651 – 672.
- Oliva M.** Some thoughts on pavlovian adaptations and their alternatives // *Hunters of the Golden Age* / Ed. by W. Roebroeks. – Leiden: University of Leiden, 2000a. – P. 219 – 227.
- Oliva M.** The Brno II Upper Palaeolithic burial // *Hunters of the Golden Age* / Ed. by W. Roebroeks. – Leiden: University of Leiden, 2000b. – P. 143 – 153.
- Piggott S.** A trepanned Skull from the Beaker period from Dorset and the practice of trepanning in prehistoric Europe // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1940. – Vol. 6. – P. 112 – 132.
- Sladek V., Trinkaus E., Hillson S.W., Holliday T.W.** Skeletal Catalogue and osteometrics of the Gravettian Fossil Hominids from Dolni Vestonice and Pavlov. – Brno, 2000. – 244 p. – (The Dolni Vestonice studies; Vol. 5).
- Strouhal E., Jungwirth J.** Künstliche Eingriffe an Schädeln aus den spätromischen bis fruhbyzantischen Gräberfeldern in Sayala (Ägypten-Nubien) // *Anthropologie* (Brno). – 1981. – Vol. 19/2. – S. 149 – 162.
- Svoboda J., Klima B., Jarosova L., Skrdla P.** The Gravettian in Moravia: climate behaviour and technological complexity // *Hunters of the Golden Age* / Ed. by W. Roebroeks. – Leiden: University of Leiden, 2000. – P. 197 – 218.
- Teschler-Nicola M., Berner M.E.** Zur Anthropologie der endneolithischer Funde aus Vucedol // *Die Neandertaler und die Anfänge Europas* / Aus. K. Kaus, K. Gruber. – Eisenstadt, 1994. – S. 61 – 78.
- Ullrich H.** Artificial injuries on fossil human bones and the problem of cannibalism, skull-cult, and burial rites // *Anthropos* (Brno). – 1982. – Vol. 21: Man and his origin. – P. 253 – 262.
- Vlček E.** Genetische und palaeoethnographische Aspekte der Mammutjägerpopulation von Dolni Vestonice // *Man and environment in the Palaeolithic: Proceedings of Symposium Neuwied (Germany), 1993* / Ed. by J. Ullrich. – Liège: Université de Liège, 1995. – P. 209 – 221.

Материал поступил в редакцию 23.05.02 г.